

18+

Екатерина Плотанова

Домик
на Ивановской
горке

Екатерина Потапова

Домик на Ивановской горке

«Издательские решения»

Потапова Е.

Домик на Ивановской горке / Е. Потапова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-687466-4

«Домик на Ивановской горке» — дебют автора. Главный герой истории — маленький домик, который случайно «потерялся» в Москве. В домике будут жить разные люди, они пронесут через время свои радости и беды, но всегда обитатели домика будут помнить о главном, о семье, что самое ценное — это родители, муж, дети, — остальное мелочи.

ISBN 978-5-00-687466-4

© Потапова Е.
© Издательские решения

Содержание

Ивановская горка	6
Усадьба барона Кнопа	8
Мастерская Исаака Левитана	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Домик на Ивановской горке

Екатерина Потапова

© Екатерина Потапова, 2026

ISBN 978-5-0068-7466-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ивановская горка

В XVI—XVII веках Ивановская горка играла ключевую роль в оборонительной системе Москвы, являясь частью Белого города. Эта местность, возвышаясь над окрестностями, представляла собой стратегически важную точку. Здесь проходили мощные земляные валы и крепостные стены, призванные отражать нападения неприятеля и обеспечивать безопасность столицы. С её высот открывался широкий обзор, позволявший контролировать подступы к городу и своевременно обнаруживать приближающуюся опасность.

В последующие XVIII—XIX века Ивановская горка постепенно утратила своё военное значение, превратившись в активно развивающийся жилой район. На её склонах выросли уютные кварталы, возводились величественные храмы, обустроивались оживлённые торговые площади. Здесь же находили своё место усадьбы знатных горожан, каждая из которых отличалась уникальной архитектурой.

Ивановская горка – удивительный район Москвы. Он будто потерялся во времени. С какой бы стороны ни зайти в район, обязательно заблудишься, потеряешься в его переулках. Если заходить со стороны метро «Китай-город», сразу упираешься в Церковь Владимира Равноапостольного в Старых Садах, а по правую руку Иоанно-Предтеченский Ставропигиальный женский монастырь удивляет своими башнями. Чуть-чуть покружившись в переулках, попадёшь в Морозовский садик, от садика рукой подать до мастерской Левитана. А если зайти со стороны Чистопрудного бульвара, то не миновать дом Телешова, в котором вот уже более двухсот лет живёт одна семья. Но с какой стороны ни гуляй, всё равно выйдешь на Хитровку, подхватишь под руку Гиляровского и провалишься в трактиры и ночлежки.

Не то, не то, и это тоже не то. Даша смотрела объявления о продаже квартир и понимала: найти в Москве квартиру своей мечты, чтобы она была и в центре, и в зелёном районе, и в тихом переулке, и уложиться в бюджет – невозможно.

Даша приехала в Москву из Новосибирска. Отца своего она не знала, мать помнила плохо: она куда-то ушла, когда Даше было три года, и не вернулась. Вырастили её дед и бабушка. О родителях они не разговаривали. Пока Дашутка была маленькой, всё переводили в шутку, так и говорили: «Шутка для Дашутки». Когда Даша подросла и спросила прямо, бабушка так и ответила: «Никогда не задавай мне вопросов про свою мать. Кто твой отец, я не знаю. А дочери у меня считай и не было. Ты – божий подарок. Считай, Христос в девичьем обличии, дитя непорочного зачатия». Дед на все вопросы, кто они, её родители, молчал и смотрел так, что больше спрашивать не хотелось.

Жили хорошо, дружно, весело. По выходным пекли пироги, летом уезжали на море, Дашку любили – ругали за проступки, учили, хвалили, читали сказки на ночь, но вещами не баловали и всячески оберегали от женихов – «блюли».

Пока Дашка была маленькой, часто гуляли по тайге. Дед леса не боялся и всегда говорил: «Зашла в лес – поздоровайся. Выходишь – попрощайся». В лесу сочинялись сказки. В пнях жили волшебные человечки, шишки были живыми и только притворялись слепыми молчунами, в древесных грибах прятались лесные духи со своими тайнами. Дед любил подойти к дереву, обнять его и молча постоять пару минут, набраться силы. Врождённым чутьем Дашка понимала, какой гриб и ягоду можно съесть, а какую нет. До хрипоты и слёз спорила с Дедом, что она права. А Дед будто нарочно дразнил, а потом успокаивал, вытирал слёзки и говорил: «Ничто тебя не сломит. Своего добьёшься. Мёртвого разбудишь. Дурака убедишь». Знал бы Дед, сколько раз потом эта упёртость, а не упорство, сыграет с Дашкой плохую шутку. Сколько выгоды упустит, сколько полезных, но противных людей не сможет принять в своей жизни. Но детство было счастливым. Дашка была лучшая, любимая, обожаемая. Она знала это,

и с этим знанием жилось спокойно и уверенно, что всё в этой жизни у неё будет хорошо. Как-то раз спросила Деда: «Дед, а почему ты за меня никогда не волнуешься?» На что Дед весело отмахнулся: «А с тобой всё будет хорошо. Вон у тебя счастья как много. Думай о хорошем, оно и будет. А будешь страхи придумывать, так они и сбудутся».

Дед был директором завода, была большая квартира в Новосибирске. В перестройку Дед всеми правдами и неправдами успел купить землю под заводом. Когда Дед умер, и почти сразу за ним Бабуля, Даша осталась весьма обеспеченной девушкой. К тому моменту она жила в Москве, куда уехала учиться сразу после школы. Дед помог и с деньгами на репетиторов, и с поступлением, и с покупкой крохотной квартиры на окраине Москвы, только бы девочка его не попала в дурную компанию и никто её в общежитии не обидел, только бы внучка училась в Москве, пусть у неё хоть всё получится, не то, что у матери её непутёвой...

Спустя почти десять лет Даша стала весьма неплохим специалистом, звёзд с неба не хватало, но на жизнь не жаловалась. Жениха себе не завела. Все не дотягивали до Деда, с которым они и обои сами клеили, нечего белоручкой расти, и масло в машине меняли – всё должна уметь сама, только на себя рассчитывать. В холодных озёрах купались, нечего неженку из себя строить. Не было в московских юношах крепости характера, воли и мужского начала. Хилые все были. Лампочку заменить не могут – электричества боятся. Тумбочку собрать – мастера вызывают. Зато в барбершопы ходили, машинами хвастались и маникюр делали.

Всё, что осталось в Новосибирске, Даша продала. Деньги лежали на счету и давили. Надо было куда-то вкладывать. Вдруг сторят, вдруг дефолт, вдруг, вдруг, вдруг. Тут и возникла идея, что надо купить квартиру побольше: скоро тридцать, мужа пусть и не намечается, а детей хочется. Слава Богу, не средневековье, крошку-сыночка и лапочку-дочку можно и самостоятельно завести.

На окраине Даша жить не хотела. Ей нравилось в центре Москвы. Нравилось гулять по шумным улицам и сворачивать в тихие переулки, нравилось ходить по музеям и театрам. Нравилось представлять, как двести лет назад в особняках давали балы. Сформулировать чётко, что же её так очаровывает в центре города, Даша не могла, но говорила, что «дух московский». Где этот самый дух водится, она не знала: то казалось, что на шумной Пятницкой, то в переулках Арбата, то забредала на Плющиху, где ещё были живы деревянные домики. Москва Дашу принимала, Даше было хорошо в городе. Она любила в выходной взять термос, одеться потеплее и уехать в центр гулять. Потом открыла для себя пешеходные экскурсии по Москве и совсем пропала: гуляла по городу пешком, ходила по особнякам, слушала и запоминала. Институтские приятели только посмеивались: они-то отсыпались в выходные после пятничных вечеринок и концертов. Через пару лет жизни в Москве Даша знала город лучше иного москвича, который бегал по аллеям в Сокольниках и ходил на Кремлёвские ёлки в детстве.

А теперь надо было купить квартиру. Вариантов было много. Но тут неясно, что с наследниками. В другом варианте нужно было делать такой ремонт, что жизни не хватит. Или уж очень дорогие квартиры продавались, никакого наследства не напасёшься.

Объявление о продаже домика и небольшого участка в районе Китай-города выглядело фантастически. «Двадцать пять квадратных метров, возможность сделать антресоль, канализация, можно поставить веранду, на участке растёт дуб. Один взрослый собственник». Даша смотрела на экран и отгоняла от себя объявление, как назойливую муху: «Какой домик, какой дуб, какие двадцать пять квадратов, ты хотела квартиру, большую квартиру, чтобы дети...». «На дуб можно повесить качели», – подсказывало сознание. «Тебе это не нужно, зачем тебе домик и дуб». Даша спорила сама с собой. Наливала кофе, бестолково щёлкала пультом от телевизора, домик из головы не шёл. В конце концов уговорила саму себя:

– За такую цену домик с участком на Китай-городе давно продан. Я сейчас позвоню, мне скажут, что объявление устарело, и на этом всё. Нет домика, нет дуба.

Даша позвонила. Домик ждал. Никто его не купил.

Усадьба барона Кнопа

В Колтачном переулке возвышается особняк, некогда принадлежавший именитому промышленнику Людвигу Кнопу (Барон Людвиг Кноп — фигура знаковая в истории российской промышленности XIX века. Этот немецкий предприниматель, основавший успешный текстильный бизнес, внёс значительный вклад в развитие экономики страны, наладив поставки современного оборудования и внедрив передовые технологии. Его фабрики, раскинувшиеся по всей России, стали центрами инноваций и двигателем прогресса, а сам Кноп заслужил признание и уважение как дальновидный и талантливый организатор). Выбор места для строительства был обусловлен не только престижностью района, но и близостью к лютеранскому кафедральному собору, прихожанами которого являлись Кнопы. Кроме того, расположение отвечало деловым интересам главы семейства, поскольку контора его торгового дома находилась в Китай-городе. Примечательно, что собор, где молилась семья Кнопов, и сегодня стоит, сохраняя в своих стенах исторический орган, свидетеля былого величия.

После кончины Людвиг особняк претерпел значительные изменения. Его сыновья, Андреас и Теодор, разделили владения. Андреасу достался участок с отцовским домом, который был перестроен в 1869 году. Теодор же обзавёлся собственной усадьбой, возведённой по соседству в 1900 году.

Помимо удобного расположения, обитатели особняка по достоинству оценили современные инженерные решения. С наступлением эпохи электрификации в Российской империи, Кнопы, как состоятельные промышленники, одними из первых провели электричество в свои дома. Электроэнергия вырабатывалась небольшой станцией, которая, к слову, уцелела на территории особняка до наших дней, напоминая о новаторском духе и прогрессивности владельцев.

После революционных событий 1917 года семья Кнопов навсегда покинула Россию.

Усадьба Смилевских была сначала большая-пребольшая, потом стала маленькая-премаленькая, а после от неё осталась только сторожка да старый дуб.

Смилевские приехали в Россию лет через пятнадцать после войны с Наполеоном. Тогда же построили большой усадебный дом. Участок купили у купца Первушина, который потерял в той войне всю семью, всё имущество и решил в Москве заново не строиться и дожить свои годы в деревне.

Глава семейства, Александр Александрович, служил в министерстве, что он делал, никто не знал – было это «государевой тайной». Но титул князя он получил, и доход семьи рос. Была хорошая квартира в Петербурге, небольшое имение, исправно приносившее доход. Вот только единственная дочь Александра Александровича вышла замуж неудачно, за московского купца. Это был мезальянс, небольшой скандал, и молодых услали подальше от глаз почтенной публики. И если благословения на брак молодые ждали долго, то прожили они недолго. Александр Александрович приехал однажды во внеурочное время на квартиру к молодым, увидел свою дочь с синяком под глазом, орущего внука подле матери и пьяного зятя. Выгнал последнего, дочь обозвал дурой, не забыв добавить вечное: «Говорили же тебе». Хотел дочь забрать в Петербург, но та уперлась, мол, кому я там нужна: ни жена, ни вдова. С малолетним сыном, да ещё и отца опозорила. Лучше уж в Москве останусь, дитя досматривать, учиться тут в университет пойдет. Смилевский подумал и решил, что дочь, хоть и дура дурой, но иногда сообщает. И купил участок, удачно расположенный почти у стены Китай-города, с одной стороны подпираемый старой церковью, а с другой стороны выходящий на соседские яблоневые сады.

Дом построили быстро, выбрав самый большой вариант из типовых проектов. После пожара Москва застраивалась почти одинаковыми особнячками. Потом дом начал обрастать

хозяйственными постройками: кухарка завела кур и свиней, кучер сделал себе конюшню, а потом и сторож испросил разрешения построить вплотку к церкви небольшой домик для себя и своей жены, а там жену и детей забрал из деревни. Жизнь в этой усадьбе была славная. Дочь и внук Смилевского, нянька, кухарка, кучер, горничная, сторож с женой и детьми – жили дружно. Дочь Смилевского любила всех ребят, сторожевых детей баловала леденцами и трижды в неделю заставляла с сыном учителя учить грамоту и арифметику. Все в этом весёлом домике были всегда сыты, обуты и веселы. Так что на старости сам Смилевский плюнул на всё и приехал из Петербурга в Москву. Так и сказал: «По балам я отходил, жену свою схоронил. Поеду к дочери да внуку под крыло».

Последнее, что успел Смилевский сделать в своей жизни, – это обновить церковь, которая грозила обвалиться колокольней на дом. Снёс он её до основания, оставил только фундамент и уж перед самой смертью успел посмотреть, как церковь осветили, как колокола на Пасху зазвонили. Там его и похоронили, считай, около дома своего, у крыльца.

Внук Смилевского выучился хорошо, закончил университет. Женился. Двоих сыновей родил. Старший как-то быстро оперился и уехал в Европу. Там и осел. В Россию не приезжал, писал редко. По слухам, которые иногда доходили, поговаривали, что живёт хорошо, дом большой, жена красавица, любовница ещё краше, а детей нэзнамо сколько и не пойми где чей. Родители только вздыхали, да что поделаешь.

А вот младший, наоборот, при родителях остался, жену в старый дом привёл и уговорил родителей дом перестроить. Говорит, двадцатый век на носу, а мы всё живём в деревянном доме. Жена у меня молодая, балы и приёмы давать хочет, а у нас тут что?

Перестройку затеяли грандиозную и начали почему-то со сторожки. Сторож Фёдор, молодой деревенский парень, ещё и двадцати лет не сравнялся, дюже удивился, по привычке начал говорить: «Да на кой оно мне, барин, да зачем оно?» А пока говорил, получил домик, в который даже воду подвели, не надо было больше к фонтану бегать. Домик получился ладный, кирпичный, с крылечком, на котором Фёдор любил сидеть и папиросу свою курить. Чистоту во дворе Фёдор развёл колоссальную, чуть свет, а он уж метёт, солнце село, а он всё сторожит, с фонарём ходит, высматривает зло.

Основательно большой дом перестроить старые Смилевские не дали, мол, наш дом, вот помрём, что хотите, то и делайте. А вот соседний участок, где уж повыводился яблоневый сад, прикупили, мол, вот вам молодые, стройте себе что хотите. Так и разрослось московское имение Смилевских. Церковь, где лежал глава семейства, остальных уже в склеп родовой на кладбище сносили. Каменная сторожка под боком у церкви, спереди старый деревянный дом, да сбоку ещё один новый – с залами, лепниной на потолке, со всеми удобствами. Молодые всё больше путешествовали, старики коротали остатки девятнадцатого века согласно устоям, традициям и обычаям.

Мастерская Исаака Левитана

В лабиринтах переулков Ивановской горки, между Хохловским и Большим Трехсвятительским, словно драгоценная шкатулка, укрылась от посторонних глаз мастерская Исаака Левитана. С 1889 года этот скромный двухэтажный домик стал для художника не просто местом работы, но и настоящим пристанищем, где рождались бессмертные шедевры. Очарование старины чувствовалось в каждом элементе убранства: изящные наличники, кокетливые кокошники, напоминающие о народных сказках, украшали фасад, свидетельствуя о принадлежности к обширной усадьбе Морозовых, чей роскошный дом возвышался неподалёку.

Обретение этой мастерской стало возможным благодаря щедрости Сергея Тимофеевича Морозова, известного мецената и ценителя искусства, который сам увлекался живописью. Поддержка Морозова сыграла решающую роль в творческой судьбе Левитана. Как вспоминал Гиляровский в своей книге «Москва и москвичи», именно бескорыстная помощь богатой старухи Морозовой, даже не знакомой с художником лично, позволила ему обрести уютный дом, где он смог полностью посвятить себя творчеству.

В мастерской были созданы полотна, навсегда вошедшие в золотой фонд русского искусства: «Над вечным покоем», «Золотая осень», «Март», «Озеро».

Сегодня этот домик, далёкий от былого великолепия, выглядит заброшенным и одиноким. Но, несмотря на обветшавшие стены и увядший фасад, он по-прежнему хранит память о славном прошлом. В начале XX века здесь бывали знаменитые художники В. Д. Поленов, А. М. Васнецов, К. А. Коровин, М. В. Нестеров, а также близкий друг Левитана — Антон Павлович Чехов.

День был солнечный. Октябрь в полную силу вступил в свои права. Благодатное время, когда всё вокруг жёлто-красное на фоне ярко-голубого неба отражается в куполах церквей. Даша стояла лицом к храму, который был указан как ориентир в поисках домика. Налево и направо разбегались переулочки, и человек, который впервые, а то и во второй или третий раз попадает на Ивановскую горку, может заблудиться в этих закутках и закоулках примерно через минуту.

Сбоку от храма уходила куда-то вглубь лестница. Старая ограда петляла, изо всех сил сопротивляясь принятию нормальных геометрических пропорций. Людей вокруг не было. Церковь, монастырь, переулок – и так по кругу.

Дашка дошла до Морозовского садика, зашла внутрь, надеясь увидеть домик сверху, но за золотыми шапками деревьев ничего не было видно.

Волнение съедало Дашку. Живот крутило и сводило. В горле стоял комок. Всё внутри неё замерло в предвкушении чего-то очень важного. До встречи с хозяйкой домика Юлей было ещё минут двадцать. Дашка всё ходила кругами, пытаясь угадать, в какой переулок надо будет свернуть.

В условленное время Даша подошла ко входу в церковь. Хозяйка домика, уставшая и замотанная женщина немногим за сорок, уже ждала. Поздоровались. Юлия смело вошла в калитку с надписью «Служебный вход». В самой глубине церковного двора, в старой ограде, была калитка. Даше казалось, что всё похоже на сказку. Старая ограда, старая калитка, и когда калитка открылась, Даша увидела его – домик.

Домик был малюсенький, всего в два окошка, но почему-то почти четыре метра в высоту. Когда-то он был жёлтого цвета и у него было крыльцо. Сейчас это был заросший двор с протоптанной тропинкой к двери. Вместо крыльца лежали кирпичи, на которые нужно было встать.

Юлия начала сходу:

– Домик никто не берёт. Для кафе – очень далеко от пешеходных тропинок, для гостиницы слишком маленький. Церкви дорого... Свет есть, канализация центральная, а газ отрезан.

Даша слушала и не слышала. Всё, что видела она, – это ковёр из жёлтых листьев вперемешку с зарослями травы и какими-то неизвестными ей цветами. С трёх сторон домик был спрятан между стенами довоенных сталинских домов, а по четвёртой стене между домиком и церковью вился ярко-бордовый плющ.

Юля продолжала:

– Дом мне достался от дядьки – брата отца. Они с ним не общались. Я помню, что мы сюда приезжали последний раз, когда мне было лет семь. Они тогда страшно поругались. Отец всю жизнь не мог простить, что тогда, в перестройку, когда появилась возможность, дом не продали и не купили нормальные квартиры всем. Так до самой смерти и припоминал это. Я про домик забыла, но, когда Юрий Петрович умер, мне позвонил нотариус – оказывается, я единственная наследница. Мне домик ни к чему. Я хочу продать, дочке с квартирой помочь, а то нас много в одной квартире, тяжело...

Юля тараторила, сбивалась, домик ей нужно было продать быстро, не сегодня, а вчера. А эта чудная девушка стояла, не моргала, не дышала, а только странно наклонила голову и ушла настолько внутрь себя, что достать её оттуда не представлялось возможным.

– Даша, вы меня слышите? – Юлия даже пощёлкала пальцами, чтобы привлечь Дашкино внимание.

Даша очнулась:

– Да, да, я здесь. Простите. Просто задумалась. Это очень и очень странно. Такое чудесное место и никому не нужно... Пойдёмте посмотрим дом.

Дорожка к дому была вымощена старой советской плиткой, которая уже давно затянута не то мхом, не то травой. Но в последнее время по тропинке явно много ходили. Юлия открыла дом. Внутри было на удивление чисто и совсем пусто. Не было даже перегородки между основной комнатой и туалетом. Просто квадратная комната площадью метров эдак двадцать пять.

– Понимаете... У нас в семье есть легенда, «мифы Древней Греции», считается, что мой прапрадед сторожил здесь клад хозяйский, ну, когда те уехали во время революции. Что он всеми правдами и неправдами отстоял дом у власти, не дал снести. Сами видите, вокруг всё застроено, а домик тут спрятался, как будто о нём забыли. Правда или нет – кто ж знает. Но мы с дочкой перебрали тут все вещи дядьки, из ценного нашли только альбом с фотографиями. Ну и на всякий случай снесли все перекрытия. И между чердаком, там, кстати, дети всегда жили, даже не чердаком, а скорее антресолю. И между туалетом тоже снесли... Не нашли ничего, зато вот чисто, делайте, что хотите и как хотите... – Юлия остановилась, замолчала и удивлённо смотрела на Дашу, та снова была где-то далеко.

Что творилось в Дашиной голове, описать сложно. То она представляла себе детей на чердаке, которые вызывали там пиковую даму, то оказывалась на стыке времен и ей чудилось, как копают в саду яму и прячут клад, но в вихре этих ненужных мыслей и фантазий она вдруг увидела себя, сидящую на крохотной веранде с чашкой кофе. Двор светился осенним сумраком, от калитки до домика тянулась гирлянда из лампочек, а вокруг ходил какой-то драный, явно бездомный кот, и во всём этом было очень хорошо даже в фантазиях.

– Я покупаю дом, – сказала Даша абсолютно твёрдо и уверенно, будто и не было минуты назад в её голове сказки. – Я покупаю дом, – повторила Даша. Через две недели все бумаги были оформлены. Даша стояла перед калиткой с ключом в руке и совершенно не понимала, что ей теперь делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.